

Тёплый воздух упруго толкал его в спину через дырявый спальник, который он нашел в куче тряпья возле ремонтируемого дома в Рего-Парке, равномерно стекал к стоптанным, когда-то рыжим, а сейчас выцветшим до неопределённого цвета тяжёлым ботинкам, обтекал грязную куртку, забирался под обмотанную шарфом шею, и ему было хорошо и приятно. Три дня назад, когда, вдруг, совершенно неожиданно, в Нью-Йорк пришла сибирская зима с сугробами и зверским, с Гудзона, ветром, ему повезло найти в узком, почти не видимом с улицы закутке эту решетку. Длиной приблизительно метр двадцать, шириной сантиметров пятьдесят, она тихо урчала, выдыхая теплый воздух откуда-то снизу, где работали мощные кондиционеры.

Он открыл глаза, посмотрел вверх. Громада небоскрёба вавилонской башней отвесно вытарчивалась в тусклое рассветное небо, с которого

кружась, сыпалось снежное конфетти. Он потянул за змейку спальника, повернулся на правый бок, поджал ноги в коленях и, упершись ладонями в землю, встал на четвереньки. Потом поднялся на ноги. Последний месяц у него сильно болели колени и ему было легче вставать так.

Украденная в магазине «Key Food», металлическая продуктовая тележка стояла рядом. Он свернул спальник, уложил на дно тележки рядом с синей майкой с логотипом какого-то университета, складным ножом, вилкой, ложкой, куском вчерашней пиццы, завёрнутой в половинку газеты «Нью-Йорк Таймс» и четырьмя большими толстыми целлофановыми мешками. Эти мешки были его пропитанием, его энергией, его жизнью. В каждый из них влезало множество пустых бутылок от пепси и кока колы, спрайта, железных банок от энергетиков, которые миллионами поглощали жители огромного города. А потом выкидывали в мусорные баки, оставляли возле магазинов, на автобусных остановках, газонах или аккуратно ставили под деревьями и на обочинах тротуаров.

Пустые бутылки и банки он собирал каждый день, стараясь до отказа набить ими эти мешки. И если выпадал удачный день, потом долго-долго, по одной, всовывал их в черную пасть автомата, выплёвывающего чек, на который можно было купить еду, пару банок пива, а зимой, в лютый мороз, заплатить за ночевку в шелтере. Душным летом он ночевал на скамейках в парках. Весной или осенью, когда над Нью-Йорком проливались обильные дожди, спал в сабвее, а если гоняли копы, залезал в спальник и коротал ночь под каким-нибудь навесом...

Иногда он заходил в «Liquor store» и, оторопев от россыпи разноцветных шикарных наклейек со всего света, проходил в отдел поскромнее, где на металлических полках располагались такие важные, просто необходимые для старой жизни в СССР, бутылки. Водочные бутылки, на которых держалась жизнь и судьба многих людей, кто жил в той, уже почти позабытой стране. Среди новых названий «Путинка», «Русский Стандарт», «Дипломат» — он всегда брал не эти, новомодные, украшенные аляпистыми наклейками с многочисленными выставочными медалями, а те, поскромнее, к которым привык еще в Союзе — «Столичная», «Московская особая». Эти знакомые названия, придавали ему какую-то уверенность, память, что тогда, в прошлой жизни все было по-другому...

...В той, прошлой жизни он, Михаил Александрович Сотников, учитель истории одной из ташкентских школ, жил, наверное, как и большинство жителей огромной страны. Окончил пединститут, женился на Людмиле, преподававшей в старших классах английский язык, потом родилась дочь Наташка. Однажды, по путевке всей семьей съездили в Дом отдыха на голубое озеро Иссык-Куль, и он думал, что жизнь и дальше будет проходить также размеренно, без особых потрясений, как и десять, пятнадцать лет назад. И, возможно, в его карьере все изменится к лучшему — назначат завучем, а почему бы и нет — даже директором школы, ведь все видят, как интересны его уроки, как зажигаются огнем глаза учеников, когда он рассказывает им о войне с Наполеоном или Октябрьской Революции.

Но после 1991 года, когда Ташкент стал столицей независимого, живущего самого по себе небольшого государства, устанавливающего собственные законы и правила, жизнь изменилась. Закрылись заводы и фабрики, кириллицу заменила латиница, многие специальности, в том числе и специальность преподавателя истории, как и сама история бывшего государства, стали не нужны, да и в самой школе, где Сотников проработал много лет, открыли ночной клуб. А так как в России и других бывших республиках СССР, у них не было ни родственников ни друзей, то, посоветовавшись с женой, он подал заявление на выезд в США. К его удивлению, приглашение на интервью пришло быстро и буквально за несколько дней, получив разрешение, они продали всё, что смогли, и купили билеты до Нью-Йорка...

...Хотелось есть и он достал кусок пиццы. Он любил именно такую пиццу, под названием «пепперони», с аккуратно уложенными сверху на

расплавленный сыр, кругляшками нежного сервелата. Сейчас же, на морозе, пицца промёрзла, приходилось изо-всех сил жевать каждый кусок, но постепенно, чувство голода притупилось, пропало, и можно было начинать новый день.

Сегодня он решил начать с торговой улицы «Остин стрит». Эта улица в Квинсе, забитая ресторанами, магазинами модной одежды, кафешками подешевле, овощными лавками, в любую погоду была забита народом, покупающим что-либо, слоняющимся просто так от безделья или спешившим по своим делам, к станциям сабвея и автобусным остановкам.

Первым был маленький китайский ресторанчик с гордой вывеской «Восточный дракон», даже не ресторанчик, а забегаловка с двумя столиками на восемь человек и деревянной стойкой за которой на больших черных сковородках, стоящих на раскаленных газовых горелках, два повара ловко орудовали шумовками, подкидывали вверх зелень, кусочки мяса, какие-то приправы — всё, что придает китайской кухне пряный азиатский вкус.

— Thank you, sir, — произнес в телефонную трубку пожилой китаец, затем что-то сказал молодому парню, протянув листок с адресами и большие пакеты. Парень взял пакеты, завёл байк, стоящий у входа и покотил развозить заказы.

— Ни хао — здравствуйте, — поздоровался Сотников вежливым китайским приветствием. На этом знания этого языка оканчивались, и он остановился.

— A-a, Russian, — сказал китаец. — I'm sorry, business is going badly, we decided to hand over empty containers ourselves. — Сожалею, бизнес идёт плохо, мы решили сами сдавать пустую тару.

И повернулся к зазвеневшему телефону.

Сотников вздохнул. Это была плохая примета. 15-20 пустых банок пепси-колы из «Восточного дракона» — были удачным почином, знаком, что сегодняшней день сложится хорошо...

...Прилетев в Нью-Йорк, в газете они нашли объявление о сдаче квартиры. Это был бейсмент — жилое помещение в подвале частного двухэтажного дома в Квинсе. Как принято в этой стране, заплатили рент сразу за два месяца — первый и последний. Хозяин — пожилой поляк, немного говоривший по-русски, предложил помочь с работой. Хлопнув Сотникова по плечу, сказал:

— Пану повезло — племянник как раз набирает рабочих на стройку. Прекрасная зарплата — сорок долларов в день. Если пан согласен, может начинать с завтрашнего утра.

И так как авиабилеты в Нью-Йорк, рент за квартиру съели почти все денежные запасы, Сотников согласился.

«Стройка, так стройка» — решил он. В Ташкенте, ему приходилось клеить обои, шпаклевать полы, даже раз застеклить балкон — делать работу, которую мог выполнить сам, экономя деньги, которых никогда не хватало из скромной учительской зарплаты. И потом, он был уверен, что ему повезёт, обязательно должно повести в новой жизни в этой незнакомой стране. Ведь во многих американских фильмах, которые он видел и любил, герои всегда начинают с чего-то малого, а потом... потом обязательно выпадает счастливый случай или птица счастья выбирает тебя... И пусть, ему уже исполнилось сорок пять, конечно же всё впереди...

Племянник хозяина подъехал ровно в семь утра на большом пикапе, в кабине которого находились четверо молодых парней.

— Buenos dias, — повернулся к Сотникову один из них.

— Вроде испанцы, — подумал Сотников и в ответ произнёс английские слова, лихорадочно выученные перед отъездом в Америку.

— Thank you. I am good.

— He is Russian, — объяснил племянник хозяина. — He will work with you.

— Он будет работать с вами...

... Две красные банки из-под колы еле держались на краю перепол-

ненной урны для мусора. Сотников вытаскивал из тележки пластиковый мешок, засунул в него банки и начал проверять мусорную урну. Сверху лежали картонные стаканчики от кофе, смятые газеты, коробки из-под обуви, гнилые яблоки из соседнего овощного магазина. Но вот его руки нащупали две большие бутылки. Он потащил их вверх, улыбнулся. Это были двухгаллонные ёмкости от спрайта. Ну, что ж, с этой урны он заработает двадцать четыре цента...

...На работе Сотников очень уставал. От тяжелых мешков с цементом, песком, длинных увесистых металлических брусьев, которые перетаскивал на стройке, затекала спина, подкашивались ноги и во время обеденного перерыва, когда испанские ребята доставали захваченные из дома пластмассовые коробки с варёным рисом, приправленным мясом и овощами, Сотников отходил в сторону, ложился на спину. Он закрывал глаза, пытался расслабиться в надежде, что боль в пояснице, плечах, наконец-то, отпустит и разбитое, натруженное тело позволит дотерпеть до конца рабочего дня.

И отдавая вечером жене заработанные сорок долларов, почти не ужиная, заваливался спать.

С дочкой — Наташкой у него не ладилась отношения. Он понимал, что здесь в Нью-Йорке, в тринадцать лет, не зная языка, не имея друзей, брошенная, как в омут, в чужую школу со своими привычками и обычаями, ей трудно и одиноко. Но, в воскресенье — свой единственный выходной, стараясь набраться сил на следующую рабочую неделю, он большую часть дня лежал на диване, тупо уставившись в старый телевизор, купленный за тридцать долларов на блошином рынке. Ему почему-то казалось, что он попал в огромную бешено крутящуюся воронку, мешающую выбраться наверх. И срываясь, соскальзывая вниз, изо всех сил, обдирая ногти, цепляется за её стены, боясь, что попадёт в бешеный водоворот, который утянет его вниз, в чёрную дыру, которой кончалась эта воронка...

В воскресенье, они с Наташкой оставались одни. Жена устроилась в большой отель на «уборку» — перестилала кровати в номерах, вытирала пыль, пылесосила. Возвращалась она поздно, не в настроении, часто выливая злость и усталость на Сотникова. Он старался этого не замечать, выходил на улицу, глубоко затягиваясь, долго курил, стараясь вспомнить что-либо хорошее из прошлой жизни...

В тот год с женой Людмилой и Наташкой они поехали на озеро Иссык-Куль, голубым облаком лежащее между огромными снежными горами. Дом отдыха, где они остановились, был комфортабельным и уютным. Кормили там хорошо, понимали, как разыгрывается аппетит от чистого горного воздуха, возили на экскурсии. И однажды, повезли в знаменитую на всю Киргизию ореховую рощу. За окном автобуса тянулась зелёная от подросшей после дождей травы степь.

— Ой, смотрите, смотрите! — вдруг закричала Наташка.

Совсем рядом с дорогой стоял большой гнедой жеребец, рядом щипала траву кобылица, а на разъезжающих тонких ногах к ней спешил маленький жеребёнок с белой отметиной на морде. Жеребец вдруг повернул голову к автобусу и громко зло заржал.

— Это Гром, — сказал экскурсовод. — Так его местные называют. Дикий жеребец, никого к себе не подпускает...

Видимо этот большой гнедой жеребец почему-то запал дочери в душу. До этого не очень любившая рисовать, она часто вытаскивала фломастеры, краски — и жеребец Гром со своей маленькой семьей возникал в альбоме для рисования, украшал тетрадки по русскому и арифметике. А перед сном, Наташка просила:

— Расскажи историю про Грома.

Но Сотникову нужно было готовиться к урокам, проверять тетрадки и, под угрозой лишения премии, строгого выговора и других страшных кар, конспектировать очередную толстенную книгу генсека Брежнева

и он обещал рассказать историю в другой раз. Но, видимо, Наташка от этих постоянных отказов обиделась и больше не просила...

...С темного неба медленно и лениво закружились мелкие снежинки и Сотников поёжился. Он вспомнил решётку, дарящую тепло, застегнул куртку на верхнюю пуговицу и ту же замотал на шее шарф.

В этом мексиканском ресторане, к которому подошёл, ему часто везло. Меняя большие черные мешки для мусора, уборщик Мигель ленился сортировать пустые банки и бутылки и за пять долларов отдавал их Сотникову. И сейчас, обойдя ресторан, Сотников заглянул на кухню, дверь которой, была чуть приоткрыта.

— *Voy a salir ahora* — Сейчас выйду, — заметив Сотникова, сказал Мигель.

Он плечом приоткрыл дверь пошире и вытащил два больших черных мешка.

— *Noy mucho. Vamos seis dolares* — Сегодня много. Давай шесть долларов. Сотников протянул деньги, положил мешки на коляску. Сейчас, чтобы совсем не замерзнуть, он в ближайшем «*Dunkin' Donuts*» купит стаканчик горячего кофе с сахаром и булочку...

Придерживая ногой колесо коляски, Сотников сидел на скамейке в небольшом скверике. В этом скверике на углу Йеллоустоун и Квинс бульвара, украшенным позеленевшим от времени бронзовым памятником какого-то героя, чёрт его знает, когда происходившей американо-испанской войны, в хорошую погоду собирались любители шахмат и нарда. Сейчас же, в снег и холод, сквер был тих и пуст, только иногда, живущая на окрестных деревьях юркая серая белка спускалась вниз, высматривая на земле забытую шишку или жёлудь.

Каждый глоток сладкого обжигающе горячего кофе согревал Сотникова, возвращал силы. Сейчас он медленно, смакуя каждый глоток, допьёт кофе, доест булочку — его сегодняшний обед, начнет сортировать пустые бутылки и банки...

...Сотников хорошо помнил тот день, когда вернулся с работы.

— Нам необходимо поговорить, — сказала жена. Затем обернулась к Наташке: — Погуляй, пожалуйста, полчаса на улице.

И когда дочка вышла, произнесла:

— Я ухожу к другому человеку и забираю ребенка с собой.

Увидев, что Сотников хочет что-то сказать, добавила:

— Давай не будем ничего выяснять. Вещи мы уже собрали, и утром за нами заедут.

Утром, к дому действительно подкатил большой синий внедорожник, поигнал несколько раз и Людмила, подхватив два чемодана, выскочила на улицу.

Сотников посмотрел на дочь. Она закинула за спину школьный рюкзачок, взяла сумку с вещами, обернулась, сказала:

— Я иногда буду тебя вспоминать...

В тот день Сотников не пошел на работу. Весь день неподвижно лежал на диване, смотрел в потолок. Слева, в углу, потолок отсырел, большое серое мокрое пятно медленно ползло к центру. Сотников захотел пить, встал с дивана, пошел на кухню, но вдруг почувствовал, как сдавило сердце и стало нечем дышать. Отлежавшись, вышел из дома, медленно побрёл к ближайшему врачебному офису. Чернокожая девушка, сидевшая за деревянным барьером спросила:

— *What is your insurance?* Какая у вас страховка?

И на отрицательный ответ сообщила:

— *Doctor's appointment is \$250.* Прием у доктора стоит 250 долларов. Двести пятьдесят долларов были для Сотникова огромной суммой, и он медленно пошел обратно.

Сердце болело ещё несколько дней, он не мог ходить на работу и племянник хозяина его уволил. А потом, сам хозяин поинтересовался:

— Как пан думает платить рент следующий месяц?

И добавил: — Если завтра не будет денег, прошу пана съехать...

...На больших часах, висевших над входом в банк стрелки раскорячились на шесть вечера, мелкая крупа сыпавшаяся с неба прекратилась, будто её небесные запасы на сегодня закончились и сквер, где он сортировал посуду, был по-прежнему пуст. Его руки, привыкшие к этой работе, двигались споро и быстро, он почти не смотрел, как они перекладывали металлические банки от кока-колы, спрайта, пепси-колы, различных соков и энергетиков в один пластиковый мешок, стеклянную тару — в другой, двухпаундовые ёмкости в третий. Он мог в это время думать о чем-то своём...

...Все его вещи поместились в спортивную сумку, многое он оставил, не знал, где придется ночевать. Вначале, Сотников зашел в «Liquor store», купил бутылку водки. Через дорогу, недалеко от станции сабвея начинался большой парк, с детскими площадками. Рядом, молодёжь гоняла в баскетбол, и каждое попадание в кольцо вызывало восторженные крики.

Сотников присел на крайнюю скамейку, рядом поставил сумку, сунул руку в черный пакет, в котором лежала бутылка, — по законам этой страны нельзя было держать на виду спиртные напитки, отвинтил крышку, поднёс пакет к губам. Водка пилась легко, будто была совсем не водкой, а свежей ключевой водой. Ему сразу стало легче, и он не заметил, как заснул...

Проснулся он ранним утром — сквозь просвет в раскидистом дереве сол-нечный луч упал на его лицо, и Сотников открыл глаза. Голова раскалывалась, к горлу подступала тошнота. Он протянул руку к сумке — в ней должна была быть бутылка воды, но рука почувствовала пустоту. Он сел, оглянулся, заглянул под скамейку. Сумки не было. Сотников лихорадочно обшарил карманы. Пропали документы, а главное, исчезли все его деньги — сто восемьдесят три доллара, с которыми хотел начать новую жизнь...

Несколько дней, не зная что делать, Сотников просто слонялся по улицам, чувствовал, как от голода сдавливало желудок и уходили силы. Он пробовал заходить в «McDonald's», делал вид, что рассматривает меню, а сам с надеждой ждал, что кто-то не доест свою порцию. Заметив это, сразу же кидался к столу, лихорадочно запихивая в рот остатки картошки-фри, огромными глотками допивая из картонного стакана колу или пепси...

Однажды, он обратил внимание на пожилого индуса в грязной чапме, толкавшего перед собой тележку с большими толстыми целлофановыми мешками, набитыми разноцветными пустыми банками. Индус подходил к каждой урне для мусора, внимательно изучал её содержимое. А если находил пустую банку или бутылку, аккуратно всовывал в свои мешки. И Сотников, неожиданно для себя пошёл за ним. Индус направился в ближайший «Key Food», сзади которого на парковке стояли несколько автоматов, затем снял мешки с тележки и начал засовывать в резиновый рукав автомата. Автомат довольно урчал, проглатывая пустые разноцветные банки, а потом выплюнул чек. Индус вошёл во внутрь гастронома, отдал чек ближайшей кассирше и она протянула ему четырнадцать долларов...

...Сотников поднял мешки, с аккуратно рассортированными банками, положил друг на друга в тележку, перевязал толстой бечёвкой, чтобы не съезжали, и медленно покатил её по асфальтированной дорожке. Он перешёл через дорогу и на другой стороне, напротив какого-то огромного здания с горящей на крыше зелёной неоновой вывеской «Parkeг» увидел большой «Key Food».

Сотников прошёл на парковку, развязал бечевку, раскрыл первый мешок и начал засовывать его содержимое в автомат. Автомат, видимо соскучившись по пустым металлическим банкам, тихо загудел и, проглотив последнюю, выдал чек. Сотников раскрыл следующий мешок, начал кормить автомат стеклянными бутылками. Наконец, закончил и пошёл в магазин окешивать чеки...

Сотников знал, как проведёт сегодняшний вечер. Сейчас в «Liquor store» купит маленькую, двухсотграммовую бутылочку «Столичной», потом на час зайдет посидеть в пиццерию, хозяин которой, Луиджи, итальянец из Неаполя, страшный фанат родного футбольного клуба, уважал Сотникова за то, что тот назвал почти полный состав «Наполи», включая нескольких резервистов. Знания эти были из прошлой жизни, когда Сотников старался не пропустить трансляции футбольных матчей и от корки до корки изучал еженедельник «Футбол». Иногда, заходя в пиццерию, на ломаном английском беседовал с Луиджи о футбольных делах, чемпионате Италии, когда, наконец, «Наполи» возьмёт скудетто. И расплачиваясь за съеденный кусок пиццы, всегда в подарок получал еще одну бесплатную порцию.

— Russian fan of Napoli, — улыбаясь, говорил Луиджи и пожимал Сотникову руку...

...Сотников аккуратно расстелил спальный мешок, залез во внутрь, застегнул змейку. Снизу, из решётки шла волна жаркого воздуха, и ему было уютно, тепло и спокойно. Он был доволен сегодняшним днём, может быть, волшебная птица счастья, наконец-то, выбрала его.

Сотников посмотрел вверх. Небо очистилось, и большие звёзды светили ярко. Он вдруг вспомнил, что такие же звёзды видел давным-давно на берегу голубого озера Иссык-Куль, когда с женой и дочкой, тесно обнявшись, смотрели на ночное азиатское небо.

И уже засыпая, вдруг увидел синюю котловину небольшого озера, удивительно сладкую траву вок-руг, маленького, нескладного еще жеребёнка, ждущего разрешения гнедого жеребца. Но вот жеребец осторожно спустился к воде, прислушался, замер, втянул ноздрями воздух, тихонько заржал. Тогда кобылица нежно и легко подтолкнула жеребенка и он, вытянув вперед морду, жадно, захлебываясь, начал пить.

Потом обернулся. Отец и мать-кобылица стояли рядом и смотрели на него...